

Шакирова Марина Рашидовна

ЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Статья раскрывает специфику содержания понятия "экспертная практика" в контексте проявления деятельности гражданского общества в современной России. Экспертная практика показана с точки зрения прямого диалога "общество - государство", как необходимый элемент формирования и поддержания положительного имиджа государственной власти. Основное внимание автор акцентирует на дискурсе как составляющей управленческой стратегии, обусловленной такими важными сегодня характеристиками социокультурной сферы, как "комфортная среда" и "безопасная среда".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/9/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83) С. 212-215. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. Кузнецова Н. В. Отечественная историография об экономических и социальных проблемах послевоенного восстановления и развития страны в 1945-1953 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2005. Вып. 10. С. 141-153.
2. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. Р-629. Оп. 2.
3. ЦГА РСО-А. Ф. Р-629. Оп. 4.
4. ЦГА РСО-А. Ф. Р-629. Оп. 5.

DOCUMENTS OF THE CENTRAL STATE ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA-ALANIA AS A SOURCE TO STUDY NORTH OSSETIA OF "LATE STALINISM" PERIOD

Tsarikaev Alan Takhirovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania in Vladikavkaz
Tsarikaev.A.T@yandex.ru

The article analyzes informative potential of materials of the Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania to study problems of the region's socio-economic development in 1945-1953. Special attention is paid to investigating the fund of the Republican Council of Ministers, which contains a large bulk of documents providing information on North Ossetia's agriculture, industry and social sphere in the post-war period.

Key words and phrases: documents; sources; "late Stalinism"; The North-Ossetian ASSR; The Council of Ministers; fund.

УДК 1; 17:121.1

Философские науки

Статья раскрывает специфику содержания понятия «экспертная практика» в контексте проявления деятельности гражданского общества в современной России. Экспертная практика показана с точки зрения прямого диалога «общество – государство», как необходимый элемент формирования и поддержания положительного имиджа государственной власти. Основное внимание автор акцентирует на дискурсе как составляющей управленческой стратегии, обусловленной такими важными сегодня характеристиками социокультурной сферы, как «комфортная среда» и «безопасная среда».

Ключевые слова и фразы: экспертная практика; управленческий дискурс; гражданское общество; общество риска; публичная политика; Общероссийский народный фронт.

Шакирова Марина Рашидовна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
m.r.shakirova@bk.ru

ЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Современная политическая система основана на реализации принципа открытого партнёрства власти в лице ее государственных органов и гражданского общества с разветвлённой сетью различных институтов. Государство заинтересовано и нуждается в создании положительного имиджа властных структур в глазах общественности, потому что имидж в данном случае является критерием доверия граждан и соответствующей оценки эффективности работы органов государственной власти, характеризуемой, прежде всего, экономичностью, действенностью, производительностью, качеством услуг, результативностью, прибыльностью и внедрением новшеств.

Формирование положительного имиджа органов государственной власти осложняется тем, что сегодня гражданское общество, оценивающее власть и её эффективность, является одновременно и обществом риска. Гражданское общество, реализуя себя посредством различных горизонтальных связей, проявляется в рыночном хозяйстве, социокультурных и социально-политических отношениях. Общество риска, продуцирующее как материальные блага, так угрозы и риски, формирует свою особую культуру, подразумевающую естественное принятие изменений, готовность к открытым действиям в ситуации выбора, предоставляемого жизненным миром, позиционирование себя в центре жизни проекта, не слепо воспринятого из рук государства, но конструируемого самостоятельно и вместе с ним. «Жизненный мир... тесно связан с тем, какие смыслы он несёт, то есть он является миром значений. Его существование и функционирование возможно только потому, что интерпретация событий, предметов, действий всеми агентами коммуникативного пространства производится по одной модели» [4, с. 223]. Агенты ныне действующего коммуникативного пространства скреплены особым дискурсивным мышлением, в основе которого такие понятия, как «комфортная среда», «среда безопасности». И это неслучайно. Так, вслед за М. О. Орловым, мы можем объяснить данный дискурс тем, что сегодня «век не только и не столько информационно-технической, но антропологической

революции» [5, с. 180]. Социокультурной новацией стала экономическая эксплуатация капитала влечений, «как ещё вчера капитала труда... Вообще атрибутом новой эры, как “эры удовольствий”, становится услуга» [Там же, с. 181-182]. Но либерализация и секуляризация ценностей и мышления, сознания в целом, развитие сервисного государства не освободили современного человека от страха смерти. «Ушёл в прошлое всепоглощающий напряжённый труд ради выживания, человек живёт долгой, но крайне непредсказуемой жизнью, изобилующей досугом, где есть широкий простор для размышлений о конечной точке бытия. Страх смерти остается рационально неразрешимым» [3, с. 283]. Это находит своё выражение в повседневности – в чувствах, мыслях, желаниях общества. Погружённый в повседневность, человек смотрит на всё с точки зрения обыденного сознания, его мировоззрение замкнуто на социально-бытовых проявлениях жизни: труде, быте, отдыхе, передвижении, являющихся отчасти следствием деятельности властных, медицинских, образовательных, развлекательных и иных учреждений, которые одновременно как входят, так и организуют все продуктивные элементы социального жизненного мира. Повседневность, таким образом, оценивается прежде всего с точки зрения её функциональности и безопасности. Очевидно, что повседневность при этом подразумевает некий порядок, определяемый в первую очередь политическими институтами. Общество нуждается в защищённости государством, ищет диалога с ним в лице представителей властных структур всех уровней как способа решения проблем социальной несправедливости, коррупции, плохой организации работы объектов социальной сферы, частных структур, предоставляющих те или иные услуги. Примеров можно перечислять сколь угодно много. И это подчёркивает, что именно сфера повседневного бытия вызывает критичность людей к деятельности власти, к её объективности в сфере контроля развития всех проявлений социально-экономической практики. Поэтому положительный имидж органов государственной и муниципальной власти в обществе риска – это один из факторов легитимации власти, стремящейся вести публичную политику.

Естественными посредниками между государством в лице органов его исполнительной власти и гражданским обществом в современном демократическом государстве выступают различные экспертные сообщества, способные разрешить все спорные вопросы, найти объяснение всем текущим состояниям. Проблеме экспертных практик, используемых государством в качестве одной из многочисленных управленческих стратегий, посвящено множество научных статей в области политологии, социальной философии и философии управления, а также социологии.

До сих пор экспертные сообщества, экспертные практики и экспертиза как таковая рассматривались как специфическая необходимость, некая составляющая власти, как манипулятивный способ оказания влияния на коллективное сознание, поведение и деятельность отдельных социальных групп и общества в целом, на восприятие тех или иных социальных программ, предложенных и утверждённых на законодательном уровне. Но такое «неразличение» между властью и фигурой эксперта «ведёт к стиранию социальной дистанции между ними, которая должна быть конституирующей для профессиональной идентичности как политиков, так и экспертов. В результате этого эксперты перестают играть роль посредников между различными акторами и превращаются в ангажированных участников политического процесса» [2]. При этом роль экспертов сводится к примитивному проявлению управления социальной сферой: при помощи умелого обоснования целесообразности вводимых реформ вселить в сознание масс уверенность в том, что завтра будет лучше, чем вчера.

Подобное использование экспертных сообществ, безусловно, оправданно своей необходимостью в условиях отсутствия чёткой идеологии, заменяемой различными стратегиями развития государства, целевыми программами, которые нужно доносить до общественного сознания, обуславливая их актуальность и правильность с точки зрения развития экономики, обороны, внешней политики, образования и здравоохранения. Но одновременно это доказывает «неотделимость экспертизы от исполнения политических функций в своей основе функций» [Там же]. Совсем недавно мы могли наблюдать это в контексте используемого всеми уровнями власти дискурса модернизации и дискурса безопасности в качестве инструментария социокультурного регулирования.

Производство дискурса строго контролируется субъектами социокультурного регулирования. Однако сегодня это не только нисходящая вертикаль: от президента – к субэлитам в лице глав министерств – к интеллектуалам-экспертам и далее к СМИ с целью транслирования целевой аудитории. В настоящий момент мы являемся свидетелями процесса формирования дискурса управления, заданного по схеме: народ – институты гражданского общества, представители которых выступают в качестве экспертов в контексте заявленной народом проблемы, – президент – СМИ – субэлиты. Ярким примером этого являются «прямые линии» с президентом, реновация в Москве, ставшая предметом острых дискуссий и заставившая, благодаря привлечению внимания власти жителями Москвы к возможным негативным последствиям подобного проявления урбанизма, практически полностью переписать проект данной инновации. Это свидетельствует о том, что заявленный государством ещё в начале 2000-х годов дискурс модернизации заменяется дискурсом «зоны безопасности» и «зоны комфорта», в основе которого – потребности граждан, их ожидания от исполнительной и законодательной власти на всех уровнях, которые власть, начиная с президента и премьер-министра, просто не может проигнорировать.

Гражданское общество как общество риска продуцирует своих экспертов в вопросах, касающихся социальной сферы. Такими экспертами фактически являются неравнодушные к текущим проблемам простые люди – жители нашей огромной страны, обладающие гражданской позицией, лидерскими качествами и профессиональными знаниями в различных областях, но главное – способные вступить в диалог с властью, предложить полезные значимые проекты улучшения ситуации на местах. То есть во всём, что касается повседневного существования российского народа, сегодня экспертные сообщества – это то, что находится на стыке между гражданским обществом и государством. Причём заказчиком подобной экспертной практики является исключительно народ, но никак не власть. Власть же на высшем её государственном уровне заинтересована

в развитии экспертной деятельности на местах с целью осуществления контроля за результативностью работы региональной и муниципальной власти, в частности по использованию федеральных и региональных бюджетных средств при реализации каких бы то ни было проектов. Примером этого является развитое в России движение Общероссийского народного фронта.

Диалог «общество – государство», посредником которого становятся экспертные сообщества «от народа», выстраивается в контексте управленческого дискурса. Постараемся рассмотреть данный управленческий дискурс с точки зрения его компонентной структуры: «1) типовые участники, 2) цели, 3) ценности, 4) стратегии» [8]. Итак, можно сразу отметить: при том, что наш лидер в рамках таких диалогов остается «властью» и оставляет за собой все функции власти (собственно, поэтому общество, несущее на себе отпечаток веками сформировавшегося патернализма, и нуждается в диалоге с ним), в управленческом дискурсе он как руководитель не обладает монополией на истину. Истину заявляет противоположный участник – народ (или ОНФ). Целью таких встреч и диалогов, а значит управленческого дискурса, являются его основные директивные функции (требования, побуждения к деятельности – со стороны народа, указы и распоряжения – со стороны власти). Но при этом отсутствует свойственная управленческому дискурсу некая предписанность (это не руководитель и подчинённые, это скорее партнёры, коллеги). Проблема, являющаяся причиной диалога, является одновременно ценностью данного управленческого дискурса для обеих сторон. Стратегии управленческого дискурса – это его частные цели. Так, 1) народ (экспертное сообщество) выделяет проблему; 2) власть анализирует историю вопроса; 3) вместе они формулируют цели и задачи; 4) разветвлённая власть (уже не только в лице президента) составляет чёткий план решения проблемы; 5) всё это освещается СМИ. Дается оценка предпринятых действий обеих сторон диалога; 6) публично излагаются результаты проведённых мероприятий, они комментируются и обсуждаются, в том числе критически. Выработанные стратегии управленческого дискурса касательно отдельно взятой проблемы в дальнейшем могут являться ориентирами для формирования действий экспертных обществ при решении иных подобных проблем. Таким образом, можно сделать вывод, что подобный управленческий дискурс невозможно уложить в рамки шаблонов, как любые другие институциональные типы дискурса, потому что он изначально строится в формате живого диалога, что уже является особенностью российской модели публичной политики в контексте управления социальной сферой.

Если посмотреть на данную реальность с точки зрения философии управления, то объяснение этому можно найти в следующем. Экспертная практика – это, безусловно, управляющая стратегия. «Любая функция управления – планирование, организация, мотивация и контроль – предполагает, прежде всего, принятие решений для реализации этой функции... В принятии решений интерпретируются знания, интересы, мировоззрение человека» [1, с. 63]. А так как управление – это часть культуры, то и властные решения оцениваются и воспринимаются во многом в первую очередь с точки зрения менталитета и традиций. Так, «патернализм, вертикальная система отношений в иерархии, централизация являются основными ценностями российской организационной культуры, кроме того она характеризуется избеганием риска» [Там же, с. 65]. Всё это мы можем наблюдать в режиме «прямых линий» с президентом и его указов после диалога с народом. Российское общество не отрицает наличие бюрократической системы как таковой. Бюрократия в России ведёт своё начало ещё со времён Ивана Грозного, а в последующие времена она имела тенденцию всё более разветвляться. Но «проблема государственного управления заключается не столько в бюрократизации, сколько в несоответствии отечественной бюрократии критериям рациональной бюрократии (по Максус Веберу), в частности исключающей возможности коррупции» [Там же]. Экспертная практика в России, в том числе и в контексте деятельности ОНФ, построена во многом на борьбе и предупреждении коррупции – главной причины недобросовестной работы чиновников.

Безусловно, во всём, что касается реализации национальной идеи, внешней безопасности государства, стратегий внешней политики, развития определённой экономической системы (а мы живём в условиях рынка, отказаться от которого сейчас весьма проблематично, несмотря на обрушившуюся на него критику), построения самой системы взаимоотношений «общество – государство», экспертная деятельность выступает, по словам А. Ю. Сунгурова, посвятившего много исследований данной проблеме, как форма участия в процессе государственного управления. И это выражается в «желании “легитимизировать” в глазах общественности уже принятое решение, укрепить его ссылкой на соответствующую научную экспертизу; в стремлении создать “дымовую завесу” вокруг реально принимаемого решения путем проведения множества публичных обсуждений экспертиз иных проектов решения; в стремлении обеспечить публичную поддержку предлагаемых властью решений, привлекая на свою сторону авторитет научной экспертизы» [7].

Что же касается экспертной практики как «гласа народа», то здесь совсем иная дискурсивная этика. И проявляется она именно в том виде, в коем мыслилась изначально, то есть «содержит практическую установку на выработку адекватных ответов перед лицом... вызовов современности... Это универсальная программа коллективной ответственности за будущее... заключающаяся в свободном обсуждении проблем, выработке решений по самосохранению жизненного мира человека... дискурс здесь выполняет роль универсального метода, конституирующего социальную динамику, является показателем, признаком и симптомом жизни» [6, с. 56].

Современные экспертные практики – естественная необходимость существования демократического государства, одной из тенденций развития которого является публичная политика, где функционирование экспертных обществ – способ формирования положительного имиджа органов государственной власти. Власть нуждается в экспертном мнении с целью выстраивания полноценного диалога с обществом и его отдельными социальными группами по всем экономически и социально важным вопросам. При этом обоюдная ответственность власти и экспертных обществ, определяющая в последующем качество экспертизы,

во многом зависит от степени конструктивности управленческого дискурса, сопровождающего любую экспертную практику, в основе которого должен находиться анализ предпосылок вопроса, требующего решения, и глубокий анализ последствий преобразующей деятельности, позволяющей этот вопрос решить.

Список источников

1. Диев В. С. Философия управления: область исследований и учебная дисциплина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 2 (18). С. 59-66.
2. Макарычев А. С. Экспертное сообщество России при президентстве В. Путина: проблемы внутренней и внешней субъектности [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Makarychev_expert.pdf (дата обращения: 29.06.2017).
3. Орлов М. О. Трансформация человеческого капитала в кризисном обществе: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. № 3. С. 281-286.
4. Орлов М. О. Ценности в духовной культуре: дискурсивные основания // Язык и мир изучаемого языка. 2015. № 6 (6). С. 222-227.
5. Орлов М. О. Человеческий капитал в обществе риска: проблема катастрофических преобразований // Математическое моделирование в экономике, страховании и управлении рисками: сборник материалов IV Международной молодёжной научно-практической конференции: в 2-х т. Саратов: Издательство Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, 2015. Т. 2. Проблемы управления рисками. С. 180-183.
6. Орлов М. О. Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 55-59.
7. Сунгуров А. Ю. Экспертная деятельность как форма участия в процессе государственного управления. Экспертные сети [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.hse.ru/data/2012/01/01/1262282031/Ekspertnaya_deyatelnost_GR.pdf (дата обращения: 29.06.2017).
8. Юдина О. Л. Управленческий дискурс как особый вид институционального дискурса (лингвистический аспект) [Электронный ресурс] // Вопросы управления. 2013. № 3 (5). С. 69-74. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2013/03/10/> (дата обращения: 28.06.2017).

EXPERT PRACTICE AS A MANAGEMENT STRATEGY

Shakirova Marina Rashidovna

Saratov State University

m.r.shakirova@bk.ru

The article reveals specificity of the content of the concept “expert practice” in the context of manifestation of the civil society activity in modern Russia. Expert practice is shown from the point of view of the direct dialogue “society – state”, as a necessary element of forming and maintaining the positive image of state power. The author focuses on discourse as a component of the management strategy stipulated by such important characteristics of the socio-cultural sphere as “comfortable environment” and “safe environment”.

Key words and phrases: expert practice; management discourse; civil society; risk society; public policy; The All-Russian National Front.

УДК 93/94(470.64)

Исторические науки и археология

Статья посвящена исследованию влияния путча 1991 г. на этнополитическую обстановку в Кабардино-Балкарской Республике. Анализируется процесс «включения» национального фактора в разгоревшееся политическое противоборство, вылившееся в кризис власти. Авторами впервые сформулирована и обоснована мысль о том, что события августа 1991 г. привели к объединению к тому времени уже нелояльных по отношению друг к другу национальных движений «титульных» народов Кабардино-Балкарии, что нашло выражение в выдвижении общего требования отставки первых лиц республиканской власти.

Ключевые слова и фразы: Кабардино-Балкария; путч; органы государственной власти; национальные движения; митинг.

Шорова Марьяна Будёновна, к.и.н.

Котехапов Алихан Хазреталиевич

Погорова Зулейхан Ибрагимовна

Кабардино-Балкарский университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик

mshorova@mail.ru; alihan1976@mail.ru; poghorova@mail.ru

КРИЗИС ВЛАСТИ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В АВГУСТЕ 1991 ГОДА

На рубеже 1980-1990-х гг. социально-экономические и политико-идеологические процессы в СССР вступали в новую фазу своего развития. Характерной чертой складывавшихся исторических реалий стало